

С.Н. Булгаков

От марксизма к идеализму

Сборник статей (1896-1903)

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С.Н. Булгаков**
От марксизма к идеализму: Сборник статей (1896-1903) / С.Н. Булгаков – М.:
Книга по Требованию, 2016. – 372 с.

ISBN 978-5-517-99828-6

ISBN 978-5-517-99828-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Отъ автора.

Предлагаемая книга есть сборникъ моихъ статей, посвященныхъ различнымъ вопросамъ соціальной философіи и печатавшихся въ періодическихъ и неперіодическихъ изданіяхъ на протяженіи 1896—1903 года¹⁾. За это время мое общее міровоззрѣніе претерпѣло значительныя измѣненія—я перешелъ «отъ марксизма къ идеализму». Тѣмъ не менѣе въ этомъ сборникѣ статьи, въ которыхъ отстаивается идеализмъ (1—10), соединены со статьями, написанными въ защиту марксизма (1—3). Перепечатывая рядомъ въ одномъ сборникѣ и тѣ и другія статьи, я хочу и внѣшнимъ образомъ подчеркнуть внутреннюю связь, существующую между теперешнимъ «идеализмомъ» и прежнимъ моимъ «марксизмомъ», отмѣтить въ прошломъ ростки настоящаго и тѣмъ нагляднѣе показать дѣйствительный смыслъ и значеніе перелома, происшедшаго въ моемъ (и не въ одномъ только моемъ) міровоззрѣніи, его внутреннюю логику и общій континуитетъ развитія идей. И въ литературѣ, и въ публикѣ отношеніе между марксизмомъ и идеализмомъ нерѣдко изображается совершенно превратно. Дѣло представляется такимъ образомъ, что нѣкоторые пасынки марксизма по тѣмъ или другимъ соображеніямъ (преимущественно практическаго характера) въ подходящій моментъ капитулировали подъ сѣнь идеализма, въ мирную об-

---

¹⁾ Въ первый разъ печатается статья «Задачи политической экономіи». Статьи размѣщены въ сборникѣ въ порядкѣ времени ихъ появленія. Статьи 1—3 перепечатываются почти безъ всякихъ измѣненій. Остальшыя подвергнуты редакціоннымъ исправленіямъ. Болѣе значительныя и важныя измѣненія произведены лишь въ статьѣ: «Основныя проблемы теоріи прогресса», въ которой, кромѣ того, приложено Post-scriptum.

тель звуковъ сладкихъ и молитвъ Идеализму приписывается при этомъ сплошное отрицаніе *всего* въ марксизмѣ, т. е. не только теоретическихъ основъ міросозерцанія, но и его социальнополитическаго credo, а слѣдовательно и историческихъ задачъ связаннаго съ нимъ общественнаго движенія. Считаю необходимымъ со всей возможной энергіей отвергнуть здѣсь эту ложку, затемпляющую въ общественномъ сознаніи правильное пониманіе дѣйствительнаго развитія и генерачіи міровоззрѣній.

Мое теперешнее идеалистическое міровоззрѣніе складывалось въ атмосферѣ социальныхъ идей, марксизма и уже поэтому оно не есть, не можетъ и не должно быть сплошнымъ его отрицаніемъ, на противъ, оно стремится къ углубленію и обоснованію именно того общественнаго идеала, который начертанъ на знамени марксизма и составляетъ его душу. Можно въ извѣстномъ смыслѣ сказать, что идеализмъ стремится выполнить относительно социального идеала ту службу, которую въ марксизмѣ служитъ ему экономическій материализмъ, является какъ бы повымъ фундаментомъ, подведеннымъ подъ старое зданіе. Идеализмъ въ Россіи родился и стоитъ подъ знакомъ социального вопроса и теоріи прогресса. Онъ нуженъ его представителямъ не затѣмъ, чтобы уйти отъ земли и ея интересовъ—на небо-ль, или въ «болото реакціи», или куда-нибудь еще,—но чтобы придать абсолютную санкцію и тѣмъ непрерываемо утвердить нравственные и общественные идеалы; поэтому онъ не миритъ съ дѣйствительностью, а зоветъ къ борьбѣ съ ней во имя абсолютнаго идеала. Между марксизмомъ и идеализмомъ, при всей противоположности ихъ въ области «теоретическаго разума», существуетъ поэтому значительная близость въ сферѣ «разума практическаго», социальныхъ стремленій и идеаловъ. Идеалы социальной справедливости и общественнаго прогресса, свободы и равенства, политическаго либерализма и социального демократизма или социализма съ необходимостью вытекаютъ изъ основныхъ принциповъ философскаго идеализма; они не только не составляютъ монополіи марксизма или какой-либо другой доктрины, но лишь на этихъ принципахъ и могутъ вообще обосновываться.

Чтобы выяснить, въ чемъ именно соприкасаются между собою марксизмъ и идеализмъ, въ чемъ различаются, и чтд, наконецъ, остается впѣ всякаго спора, я не пахожу лучшаго способа какъ подробнѣе рассказать, въ чемъ состояло первоначальное обьяніе русскаго марксизма (котораго никогда не забудеть разъ

его испытанный), какъ оно постепенно разрушалось и каковъ въ дѣйствительности былъ путь, ведущій отъ марксизма къ идеализму.

Слѣдуетъ прежде всего напомнить вышнія обстоятельства появленія русскаго марксизма и то вліяніе, которое оно оказало на настроеніе русскаго общества.

Послѣ томительнаго удушья 80-хъ годовъ марксизмъ явился источникомъ бодрости и дѣятельнаго оптимизма, боевымъ кличемъ молодой Россіи, какъ бы общественнымъ ея бродиломъ. Онъ усвоилъ и съ настойчивой энергіей пропагандировалъ определенный, освященный вѣковымъ опытомъ запада практической способъ дѣйствій, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ оживилъ упавшую было въ русскомъ обществѣ вѣру въ близость національнаго возрожденія, указывая въ экономической европеизаціи Россіи вѣрный путь къ этому возрожденію. Если при оцѣнкѣ общественнаго значенія различныхъ социальныхъ группъ марксизмомъ и была дѣйствительно проявлена известная прямолинейность и чрезмерная исключительность, то все-таки не нужно забывать, что именно успѣхами практическаго марксизма опредѣляется начало поворота въ общественномъ настроеніи. Теперь, когда начинается общій весенній ледоходъ, ни одна доктрина и ни одна общественная группа, какъ бы ни была она значительна, не можетъ и не должна претендовать на монопольную роль въ дѣлѣ національнаго возрожденія. Задача теперешняго момента, по моему убѣжденію, состоитъ не въ размежеваніяхъ и враждебномъ обособленіи прогрессивныхъ фракцій и различныхъ общественныхъ группъ, но въ соединеніи всѣхъ рѣкъ и ручейковъ въ одинъ мощный историческій потокъ, способный смыть своимъ теченіемъ всѣ плотины, его задерживающія. И тѣмъ не менѣе историческая истина заставляетъ признать, что въ 90-ые годы именно марксизмъ былъ первымъ горячимъ ручейкомъ, растопляющимъ зимній ледъ и реально свидѣтельствующимъ самымъ фактомъ своего появленія, что солнце поворачиваетъ къ веснѣ.

Наряду съ этимъ дѣйственнымъ оптимизмомъ, русскій марксизмъ былъ совершенно чуждъ какихъ-либо слащавыхъ иллюзій, напротивъ, со всею энергіей онъ выставилъ принципъ социально-политическаго реализма, трезваго и научнаго пониманія русской экономической дѣйствительности. Имъ нанесенъ былъ смертельный и окончательный ударъ экономическому славянофильству русскаго народничества; правда, послѣднее умирало естествен-

ной смертью подъ жестокими ударами экономической дѣйствительности, и марксизму, строго говоря, пришлось сыграть по отношенію къ нему роль могильщика. Нужно сознаться, что, увлекшись этой ролью, марксизмъ зашелъ слишкомъ далеко и долженъ теперь взять назадъ многое изъ своихъ крайнихъ воззрѣній, честно признавъ собственные увлеченія и ошибки и извѣстную правоту своихъ противниковъ, въ особенности въ области аграрной политики и вообще крестьянскаго вопроса; тѣмъ не менѣе о возвратѣ къ старому народничеству съ его отрицаніемъ капиталистическаго характера экономического развитія Россіи и вообще возможности и относительной прогрессивности русскаго капитализма, съ его симпатіями къ закрѣпощенію личности ради хотя бы принудительнаго сохраненія общиннаго землевладѣнія и вообще готовностью поступиться во имя его даже принципами политическаго либерализма и т. д. не можетъ быть и рѣчи.

Свои экономическія ученія и тактическіе приемы марксизмъ приводилъ въ связь съ доктриной экономического матеріализма. И опять такъ, какъ бы мы ни относились къ этой доктринѣ, но нельзя не признать, что она имѣла неоспоримыя научныя и логическія преимущества въ сравненіи съ субъективной социологіей, съ которой ей пришлось вести борьбу. Субъективная социологія представляетъ собой непослѣдовательное и нерѣшительное приложеніе принциповъ позитивизма въ общественной наукѣ, — подъ флагомъ субъективнаго метода она ввозитъ туда контрабанду, позитивизму совсѣмъ не принадлежащую, широко распахивая двери догматической метафизикѣ. Марксизмъ же требуетъ вѣрности разъ принятымъ философскимъ и методологическимъ принципамъ, послѣдовательности во что бы то ни стало и какою бы то ни было цѣной. Поэтому выставивъ идею социальной законности и научнаго объективизма, онъ не останавливается предъ отрицаніемъ роли и значенія личности въ исторіи, совершенно игнорируетъ этическую проблему и свысока относится ко всякимъ «идеологіямъ», включая сюда и искусство, и философію, и религію. Онъ доходитъ до конца тамъ, гдѣ субъективная социологія отстываетъ и непослѣдовательностью замаскировываетъ недочеты своихъ философскихъ посылокъ. Въ этомъ смыслѣ мы находимъ въ марксизмѣ ясное до прозрачности и ничѣмъ не прикрашенное приложеніе принциповъ позитивной социологіи, ея откровенное и послѣднее слово (Объ отношеніи между субъек-

тивной социологией и марксизмомъ подробнѣ см. въ статьѣ «Задачи политической экономіи» гл. I).

Въ полной вѣрности своей задачѣ марксизмъ выставилъ идею единства социальной закономерности, постулатъ социологическаго монизма какъ основное требованіе социального познания, и пытался установить такую закономерность въ ученіи экономического матеріализма. Самое требованіе это совершенно неоспоримо вытекаетъ изъ задачи позитивной социологіи, и марксизмъ не только говорилъ о ней, но и пытался въ дѣйствительности ее создать.

Такимъ образомъ, марксизмъ соединяетъ въ себѣ всѣ достоинства и недостатки послѣдовательнаго позитивизма. Поэтому можно отвергать самый позитивизмъ, какъ философскую доктрину, а ужъ въ качествѣ частнаго вывода отсюда и марксистскую социологію, но, если оставаться на почвѣ позитивизма, трудно, по моему мнѣнію, уклониться и отъ экономического матеріализма, какъ наиболѣе серьезно и глубоко задуманной попытки создать позитивную социологію какъ на это указывалъ еще Штаммлеръ.

Но марксизмъ даетъ своимъ послѣдователямъ больше, чѣмъ можетъ дать всякая научная теорія, какими бы достоинствами она ни отличалась; ему свойственны многія черты чисто религіознаго ученія и, хотя онъ въ принципѣ и отрицаетъ религію какъ буржуазную «идеологію», но извѣстными своими сторонами самъ является несомнѣннымъ суррогатомъ религіи. Онъ объясняетъ человѣку — худо ли, хорошо ли — *его самого*; отводитъ ему опредѣленное мѣсто въ мірѣ и исторіи, указываетъ обязанности, даетъ цѣль жизни и дѣятельности, словомъ, помогаетъ ему осмыслить свое существованіе. Въ обширныхъ кругахъ русскаго и европейскаго общества, гдѣ догматическій позитивизмъ успѣлъ уже окристаллизоваться въ своего рода вѣроисповѣданіе, даже усвоивъ отгѣпокъ чисто клерикальной нетерпимости, неумирающая религіозная потребность удовлетворяется quasi — научной теоріей прогресса (это подробнѣ разъяснено въ статьѣ «Основные проблемы теоріи прогресса»), и изъ всѣхъ находящихся въ обращеніи теорій прогресса марксизмъ содержитъ наибольшее количество дѣйствительно научныхъ элементовъ и уже потому долженъ имѣть наибольшій успѣхъ. Эта привлекательность его для религіозныхъ атеистовъ (*sit venia verbo!*) усиливается еще тѣмъ, что, несмотря на его относительную паучность, въ марксизмѣ бьетъ го-

рячий ключъ социальнаго утопизма, питающій чисто религіозное одушевленіе. Опъ имѣетъ и свою эсхатологию въ ученіи о социальномъ катаклизмѣ (*Zusammenbruchstheorie*) и «прыжкѣ» изъ капиталистическаго царства необходимости въ социалистическое царство свободы, въ *Zukunftstaat*, земной рай. Конечно, эти элементы марксизма находятся въ несомнѣнномъ, хотя и несознаваемомъ несоотвѣтствіи съ его обычной научной сухостью и прозаическимъ реализмомъ, но именно въ этомъ соединеніи научныхъ и утопическихъ элементовъ, логически противоположнымъ, но психологически совершенно понятномъ, и состоитъ особенная обаятельность марксизма. Благодаря этому онъ можетъ подъ вѣншей оболочкой научности не только давать удовлетвореніе запросамъ разума, но и утолять религіозную жажду абсолютнаго. (Связь между жаждой абсолютнаго и социальнымъ утопизмомъ подробнѣе разъяснена въ статьѣ «Душевная драма Герцена», глава I).

Не ручаюсь, что для всѣхъ сторонниковъ марксизма онъ имѣлъ указанное выше значеніе, но для меня оно было именно таково ¹⁾. Въ качествѣ теоретика я стремился вѣрою и правдою служить марксизму, стараясь, насколько хватало моего умѣнья, отражать нападенія на него и укрѣплять незащищенные мѣста, и этой задачѣ посвящены были—прямо или косвенно—рѣшительно всѣ мои работы. Но, совершенно помимо моей воли и даже вопреки ей, выходило такъ, что, стараясь оправдать и утвердить свою вѣру, я непрерывно ее подрывалъ и послѣ каждой подобной попытки чувствовалъ себя не укрѣпившимся въ своемъ марксизмѣ, а только еще болѣе пошатнувшимся. Такимъ-то образомъ, стремясь быть защитникомъ ортодоксальнаго марксизма, я становился его «критикомъ». Перечислю здѣсь кратко главнѣйшія свои неудачи.

Въ силу того значенія, которое приписывается въ экономической, а затѣмъ и социологической системѣ марксизма экономической теоріи и въ особенности трудовой теоріи цѣнности и связанной съ ней теоріи прибавочной цѣнности, я неоднократно и на разные лады принимался за доказательство и упроченіе

---

¹⁾ Отраженіе такого имевшаго увлеченія марксизмомъ можно найти въ моей книжкѣ «О рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ» (1896) наиболѣе ортодоксальной изъ всѣхъ моихъ работъ. Впрочемъ, не раздѣляя *Zusammenbruchstheorie*, вѣрою въ которую она проникнута, основную экономическую ея идею я считаю въ извѣстномъ смыслѣ правильной и теверъ.

этихъ теорій, которое сдѣлалось столь затруднительнымъ въ виду противорѣчивости соотвѣтствующихъ ученій I и III томовъ «Капитала» (подробнѣе объ этомъ въ статьѣ «Задачи политической экономіи», глава II). И однако въ результатѣ всѣхъ этихъ усилій я пришелъ къ отрицанію сначала того значенія, которое приписывается трудовой теоріи цѣпности въ системѣ марксизма, а затѣмъ къ отрицанію даже самой проблемы цѣпности.

Когда появилась (въ 1896 году) книга Штамллера, составляющая эпоху въ соціологической литературѣ, я счелъ необходимымъ выступить въ защиту марксизма противъ сильнаго и опаснаго его критика (статьи 1 и 2). Но въ концѣ концовъ я долженъ былъ однако признать, что въ нѣкоторыхъ весьма существенныхъ пунктахъ критика Штамллера представляется неопровержимой (ср. статьи 9 и 10). И даже тогда, когда мнѣ еще казалось, что всеже удастся справиться съ Штамллеромъ, въ результатѣ полемики съ Штамллеромъ (п съ Струве о Штамллерѣ) пришлось признать стоящимъ внѣ всякаго спора, что самый идеалъ марксизма дается не наукой, а «жизнью», является. стало быть, *внѣ*-научнымъ или *не*-научнымъ. Этотъ выводъ для «научнаго» социализма, гордящагося именно научностью своего идеала, представляется въ сущности довольно убійственнымъ, хотя все его значеніе выяснилось для меня только позднѣе. (Отъ *внѣ*-научности идеала недалеко уже до признанія его и *сверхъ*-научнымъ, т. е. до внесенія въ соціологію постулатовъ метафизики и религіи).

Въ связи съ полемикой противъ Штамллера, а также и помимо нея я ставилъ себѣ болѣе общую и широкую задачу, состоявшую въ томъ, чтобы внести въ марксизмъ прививку Каптовскаго критицизма, подвести подъ него гносеологическій фундаментъ, придавъ критическую формулировку основнымъ его соціологическимъ и экономическимъ ученіямъ. Постановка этой задачи объясняется общимъ тяготѣніемъ къ «неокантианству» («субъективному идеализму»), въ которомъ я колебался между различными отѣнками, въ разныя времена приближаясь то къ Рилю, то къ Шуппе, то къ Наторпу и Виндельбанду. Долженъ сознаться, что Каптъ всегда былъ для меня несомнѣннѣ Маркса и я считалъ необходимымъ повѣрять Маркса Кантомъ, а не наоборотъ. Каптъ и въ дѣйствительности оказался сильнѣйшимъ реактивомъ, разлагавшимъ марксистскую догматку. Важнѣйшимъ выводомъ, которымъ я обязанъ критицизму, здѣсь является тезисъ о

неспособности социологіи къ научнымъ предсказаніямъ и установленію историческихъ «законовъ» (единообразій), съ такой убѣдительностью доказываемый въ новѣйшее время проф. Риккертомъ. Между тѣмъ научный социальный прогнозъ представляетъ интегральную часть всего марксизма, и съ его отрицаніемъ уничтожается не только Zusammenbruchstheorie, но и всякая вообще позитивная эсхатологія.

Попытка придать положительному ученію экономическаго матеріализма приемлемую форму, освободивъ его отъ тѣхъ абсурдовъ, передъ которыми не останавливались нѣкоторые, привела къ тому, что оно истопчалось въ логическую паутину, ускользавшую изъ рукъ и терявшую всякую осязательность. Напротивъ, принять экономическій матеріализмъ, такъ сказать, въ сыромъ видѣ, съ объясненіемъ философіи Капта изъ особенностей экономическаго развитія Германіи, а Юма—Англіи и тому подобными положеніями я никогда не могъ. (Неудивительно поэтому, что даже за волею ортодоксальнаго задуманное изложеніе экономическаго матеріализма въ статьѣ «Хозяйство и Право» меня уже обвиняли въ измѣнѣ марксизму).

Но наиболѣе очевидную неудачу я потерпѣлъ относительно аграрнаго вопроса, который всегда беспокоилъ меня какъ самая невыясненная и сомнительная часть экономическаго доктрины марксизма. Поэтому, какъ только я получилъ внѣшнюю возможность углубиться въ этотъ вопросъ, я посвятилъ себя его продолжительному и внимательному изученію, результатомъ котораго явилось изслѣдованіе «Капитализмъ и земледѣліе». Два тома. Спб. 1900 ¹⁾). Это сочиненіе марксисты упрекаютъ въ тенденціозности, разумѣется, враждебной марксизму. Если этотъ упрекъ въ какомъ-нибудь отношеніи и можетъ быть признанъ справедливымъ, то только въ противоположномъ смыслѣ. Тема этой работы была продиктована марксизмомъ, и я приступалъ къ ней съ опредѣленной и предвзятой тенденціей—доказать, наконецъ, въ окончательной и безспорной формѣ справедливость экономической схемы Маркса, всеобщую приложимость закона концентраціи производства и вообще тождественность эволюціи промышленности и земледѣлія. Противъ воли и

---

¹⁾ Сюда же относятся статьи «Къ вопросу о капиталистической эволюціи земледѣлія». *Начало*, январь — мартъ 1901, пѣмская рецензія на книгу Каутскаго въ Архивѣ Брауна, статья «Ралахайпскій экспериментъ» *Міръ Божій*, 1900, II.

въ борьбѣ съ собой (слѣды ея сохранились въ чрезвычрой, быть можетъ, рѣзкости и страстности, съ которой формулированы окончательные выводы книги), я вынужденъ былъ признать, что аграрная эволюція совершенно не имѣетъ предполагаемаго и желаемого мною характера, и принести дорогое вѣрованіе въ жертву научной истинѣ. Другими словами, я пришелъ къ тому убѣжденію, что и экономическая доктрина Маркса не покрываетъ исторической дѣйствительности, которая по своей сложности не укладывается въ какую-либо простую схему. Поэтому и проблема социализма, при всей своей этической ясности и даже простотѣ, не укладывается въ рамки законченной и опредѣленной экономической доктрины, но требуетъ неустойчиваго и многообразнаго социальнополитическаго творчества, опирающагося на внимательное и непредубѣжденное изученіе дѣйствительности. Осознательно ощутивъ всю сложность социальнаго развитія, усчитать и предусмотрѣть которую оказался безсиленъ даже гений Маркса, я еще болѣе утвердился въ своемъ убѣжденіи относительно невозможности научнаго прогноза въ социологіи, и выраженіемъ этого убѣжденія и закончилъ свою книгу о капитализмѣ и земледѣліи. «Завѣса будущаго непроницаема. Наше нынѣшнее солнце освѣщаетъ лишь настоящее, бросая косвенный отблескъ на прошлое... Но мы тщетно вперяемъ взоры въ горизонтъ, за который опускается наше заходящее солнце, зажигая тамъ новую зарю грядущему, невѣдомому дню».

Такимъ образомъ почва постепенно уходила у меня изъ-подъ ногъ. Отъ зданія, которое еще недавно казалось столь стройнымъ и цѣльнымъ, остались одиѣ стѣны. Конечно, извѣстныя социальнополитическія требованія, которыя выставляются жизнью, сохраняютъ свое практическое значеніе и въ всякой теоріи и, въ этомъ смыслѣ, стоятъ выше теоретическихъ контроверсъ. Но тѣмъ не менѣе мыслящій человекъ естественно стремится осмыслить эти разрозненные требованія, — одухотворить ихъ единствомъ міровоззрѣнія и идеала. И это-то единство, которое прежде давалось марксизмомъ, теперь было утрачено. Аналогичный кризисъ переживался марксизмомъ въ это время и на западѣ, гдѣ онъ находится въ связи съ «Бернштейнствомъ». Какъ бы мы ни отосылись къ самому Бернштейну, начавшееся въ недавнее время на западѣ, перерожденіе марксизма въ «Бернштейнство» есть историческій фактъ, котораго уже нельзя ни скрыть, ни игнорировать, хотя и далеко еще нельзя считать завершеннымъ. Бернштейнъ вогналъ кливъ въ самую сердцевину марк-

сизма и раскололъ его на двѣ неравныя части, различной прочности и различнаго значенія. Критикуя тактику германской социалдемократіи, призывая ее къ болѣе внимательному и менѣе доктринерскому отношенію къ запросамъ дѣйствительной жизни, такъ сказать, къ большей практичности, Бернштейнъ неизбѣжно долженъ былъ совершить нападеніе и па тѣ утопическіе элементы марксизма, которые составляли его поэзію, сообщали ему черты религіознаго вѣрованія. Наиболѣе разрушительной критика Бернштейна оказалась для *Zusammenbruchtherie*, которая однако играла такую огромную роль въ представленіяхъ о *Zukunftstaat*'ѣ? Въ своемъ первоначальномъ видѣ она какъ-то сразу исчезла съ горизонта, и отъ нея стали отказываться даже прежніе ея сторонники; въ сущности Бернштейнъ сыгралъ относительно негл роль мальчика въ извѣстной Андерсеновской сказкѣ, которой громко сказалъ, что король голый, и это сразу было признано всѣми. Бернштейнианство есть марксизмъ, обрѣзавшій себѣ дугобныя крылья, лишенный прежняго религіознаго воодушевленія и идеалистическаго размаха, сведенный къ проповѣди малыхъ дѣлъ соціальной политики. Во многихъ изъ своихъ практическихъ предложеній бернштейнианство (несмотря на чрезмѣрный оппортунизмъ отдѣльныхъ его представителей) правильно формулируетъ требованія соціальнополитическаго реализма и въ этомъ смыслѣ представляетъ собою послѣдовательное и исторически необходимое развитіе марксизма въ политикѣ; (особенно цѣпной намъ представляется его позиція въ аграрномъ вопросѣ); но въ тоже время нельзя не видѣть, что оно убиваетъ самую душу того же марксизма какъ общаго міровоззрѣнія. Теперь спрашивается, чѣмъ же замѣнить прежнее міровоззрѣніе и заполнить образовавшуюся пустоту? Можно-ли найти выходъ изъ «кризиса марксизма»? Во всякомъ случаѣ, очевидно, что необходимы новыя успія идейнаго творчества, новыя исканія. Къ сожалѣнію, ни самъ Бернштейнъ, ни его партія, повидимому, пока не испытываютъ этой платонической потребности, удовлетвореніе которой ничего не общаетъ для практической политики. Все имѣетъ такой видъ какъ будто ничего не измѣнилось, и «кризисъ въ марксизмѣ» изъ остраго становится хроническимъ.

Такова совокупность мотивовъ, которые властно заставили меня подвергнуть пересмотру и критическому испытанію самые коренные устои прежняго міросозерцанія и вновь поставить какъ будто давно уже порѣшенные вопросы. Какъ ясно изъ предыдущаго,